

*Вера  
Савельева*



## ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ:

**Д. Досжан и А. Чехов**

В сравнении с чеховской пьесой «Вишневый сад» рассказ Дукенбая Досжана «Урюк» прозрачен, и его пространственная символика не прячется в подтекст. Это связано не только с различиями индивидуального авторского стиля, но и с родовой принадлежностью. «Вишневый сад» – произведение драматическое, «Урюк» – эпическое. Именно в драме символическая насыщенность чеховских пространственных образов ощущается значительно больше, чем в его эпической прозе. Вследствие этого пространственные образы приобретают значение символических знаков, содержащих в свернутом виде целую смысловую программу. В драматургии их символика многократно усиливается благодаря отсутствию каких-либо комментариев. Как утверждают исследователи, условность в драме как бы «возведена в квадрат».

Польский ученый Е. Фарыно, перечисляя заглавия большинства пьес Чехова, пишет: «На фоне заглавий остальных пьес Чехова, указывающих на того или иного персонажа, заглавие “Вишневый сад” подсказывает, что в данном случае главным героем произведения и есть как раз некий Вишневый Сад. В европейской культуре с ее библейско-античной основой Сад ассоциируется с представлениями о мире как произведении Бога-Художника, о мире как о потерянном рае, стране вечного счастья и полноты бытия и, наконец, – как о соответствии душе. Так понимаемый Сад существует не столько физически, сколько духовно. Он присутствует в каждом, но не каждому дано раскрыть его полностью и воссоединиться с миросостоянием, именуемым «Садом». Вот этот именно «Сад» и имеется в виду в «Вишневом саде» Чехова – сад как состояние духа человека. Поэтому, хотя на сюжетном уровне он и получает вид реального, цветущего тут же за окнами вишневого сада, никто из героев пьесы в этот сад не выходит, его только созерцают и о нем только говорят. Изнутри он остается за «окнами» (в первом акте), снаружи он кроется, в свою очередь, за рядом тополей (во втором акте). <...> Поэтому продажа сада должна обернуться для героев глубоким испытанием и глубокой экзистенциальной трагедией».

В рассказе Д. Досжана речь идет об урючном саде, который предлагают продать и вырубить, потому что он все равно погибнет после переселения аула в поселковый центр. Прямого влияния чеховского текста на рассказ не ощущается, и родство двух сюжетов можно считать типологическим. Это чисто восточная история трагического расставания с выращенным на земле предков урючным садом.



Тюркоязычные народы называют урюком мелкие сорта абрикоса. Эти среднеазиатские плоды отличаются большим содержанием сахара. Цветущий урюк – символ прихода весны в Средней Азии. Эти темные голые деревья зацветают раньше вишни. Цвет окутывает их бледно-розовым облаком, они как будто светятся в темноте и источают нежный аромат. Благодаря глубоким корням, урюк устойчив к засухе и морозам. Народы Азии и Кавказа используют его древесину для изготовления посуды и музыкальных инструментов. Дерево растет до ста лет, поэтому символизирует долголетие и выносливость. Хотя символика урючного сада перекликается с символикой вишневого сада, но урючный сад скорее маскулинный символ.

Тон повествования рассказа мнимо нейтрален. Косвенная речь главного персонажа естественно входит в несобственно-прямую речь повествователя. Тождество позиции автора и персонажа особенно ощутимо, когда речь идет о саде. В рассказе можно выделить две сюжетные части. Сначала описано, как Кыдырма пытается противостоять обстоятельствам. Его желание сохранить сад неосуществимо. Этому препятствует всё: воля социума (согласие других людей и его семьи на переселение), природа (сад погибал без воды), возраст и болезнь, которые мешают Кыдырме ухаживать за садом. Как и вишневый сад, урючный сад не удастся спасти. Там его вырубili, здесь – спилили. *«Кыдырма надеялся, что его вот-вот выпишут из больницы, и, может быть, ему еще удастся спасти сад. Однако он провалялся в больнице восемь месяцев, его выписали в конце апреля, когда скотники из зимовок уже откочевали на летние пастбища. Кыдырму навещали и жена, и соседи, всегда принося много новостей. Так он узнал, что его урючный сад в Кенколтыке срубили. Бревнами подперли крышу овчарни, которая едва держалась. Ему говорили, что когда спиливали деревья, то ломались зубья пилы, пришлось выкорчевывать трактором, и что руководители совхоза очень довольны щедростью и сознательностью Кыдырмы».*

Открытый сюжет чеховской пьесы завершается продажей сада, а в рассказе история получает продолжение. Это наращение сюжета позволяет включить рассказ «Урюк» в ряд пост-текстов к чеховской пьесе. По законам инициации за фазой смерти следует возрождение. Драматизм в комедии Чехова уходит в подтекст за счет того, что в поведении и поступках персонажей отсутствует мотив борьбы с обстоятельствами. Драматизм в рассказе Досжана сохраняется, но одновременно приглушается за счет введения новых мотивов.

Во-первых, Кыдырма испытывает неожиданную радость от слов благодарности овцеводов. Они *«сказали, что, если бы не его помощь, овцы бы погибли, потому что крыша не выдержала бы тяжести снега, которого этой зимой выпало особенно много. Он даже повеселел, столько добрых слов было ему сказано».* Далее в сюжет рассказа по-платоновски внедряется идея социальной утопии – вырастить коллективный сад. *«Кроме того, в центре совхоза собрались разбить сад, и Кыдырму попросили стать во главе этого большого дела. После долгих уговоров он согласился. Дела коллективного сада требовали бесконечных забот и внимания. Кыдырма надеялся, что за всем этим он забудет о своем погибшем урюке».* Герой рассказа как бы подхватывает легкомысленный призыв персонажей Чехова: *«Мы насадим новый сад, роскошнее этого, ты увидишь его...»*

Но талант писателя не позволяет окружить образ этого «коллективного сада» оптимистическим пафосом. *«Кыдырма шел мимо коллективного сада и думал, что пока это еще не сад, а так, одно название. Прежде здесь был ток, и почва превратилась в камень. Кыдырме еле удалось кое-как разрыхлить ее, он затупил не один кетмень, и все же дело свое сделал. Может быть, и вырастет сад».* Идея своего сада для Кыдырмы дороже идеи коллективного сада. Не случайно, что в конце

рассказа он решает съездить на место бывшего аула. *«Он понял, что не успокоится, пока не съездит в Кенколтык и не увидит свой бывший аул. Неужели там не осталось ни одной живой ветки? Если осталось хоть одно деревце, он перевезет его и посадит здесь, рядом с домом».* Обратим внимание, что деревце он мечтает посадить рядом со своим домом, а не в «коллективном саду», который ему поручен.

Настоящее возвращение к жизни героя рассказа совершается благодаря соприкосновению с вещами, сделанными из древесины деревьев его урючного сада. Писатель-реалист описывает две семиотически очень значимые для национального менталитета казаха вещи: чашу, в которой подают кумыс, и домбру, которую сделал из урючного дерева мастер Айсын.

*«Где ты достала эту чашу? – спросил он, пытаясь унять дрожь в голосе. – Я узнал, ведь это вырезано из моего урюка в Кенколтыке. Из ствола пятилетнего дерева. Вот он, сучок.*

*Услышав его слова, жена немного успокоилась.*

*– Эту чашу выстрогал зимой мастер Айсын и подарил нашему сыну, – сказала она.*

*Конечно, ничего предосудительного в том нет, что мастер выстрогал из дерева урюка драгоценную чашу и подарил ее любимому человеку. Не это взволновало Кыдырма, а то, что выращенное им, взлелеянное урючное дерево возвратилось к нему в виде чаши, мастер дал его урюку вторую жизнь».* Кыдырма любит ее цветом и ощущает запах урючного дерева. Такую выточенную из дерева чашу казахи называют зерен. *«Видно было, что даровитый мастер Айсын немало сил приложил к упрямому дереву, выросшему на каменистой почве. Дерево не изменило своей природной окраски, сохранило прохладный запах мускуса. Здоровое урючное дерево имеет особую палевую окраску, и мастер сохранил этот ало-коричневый цвет в своем первозданном виде, сделал чашу почти невесомой. Говорят, напиток, поданный в такой драгоценной чаше, делается еще вкуснее».*

После этого Кыдырма решает съездить в оставленные места, *«хотя бы поклониться пням, проститься с местом, где шелестел листьями его сад».* Так он надеется избавиться от *«от черной, тягучей тоски по своему родному аулу, по урюковому саду, который, говорят, поголовно вырублен».*

Но судьба приготовила Кыдырме еще одну встречу с частицей любимого сада. В гостях у бригадира он прислушивается к звуку домбры, «который показался ему знакомым».

*«Одно из деревьев его сада в Кенколтыке во время бури так же стонало и скрипело, как эта домбра, так же гудел его ствол.*

*Кыдырма вдруг выхватил домбру из рук ошеломленного хозяина.*

*– Это ведь урюк! – воскликнул он.*

*– Ойбай, почтенный, домбра моя, – стал объяснять Дильдебай. – Мне ее сделал мастер Айсын за одну овцу. А из какого дерева, меня это не касается.*

Кыдырма долго рассматривал тяжелую домбру, поворачивая ее и так и эдак. Иногда он трогал струну и, склонив голову набок, прислушивался к гулу домбры. В эту минуту весь мир для него переставал существовать, словно бы он улавливал какой-то давно забытый мотив, напоминавший ему о поре юношества, о годах молодости, и вспоминал свои давние мечты, которые уже давно похоронила жизнь».

Кыдырма, как восточный человек, мистически ощущает сохраняющуюся связь со своими деревьями, а значит, и со своим садом. Живая жизнь деревьев сохранилась в его памяти и воскресла в трех чувственных проявлениях: запахе, цвете и звуке. Визит к мастеру Айсыну и разговор с ним взволновал обоих.

«– Бери все, что осталось от моего сада, Айсын, – сказал Кыдырма. – Кору, корни, пни. Все бери для своей нужды и делай красивые вещи.

– Неужели ты и вправду все это мне отдаешь?! – вскричал мастер Айсын. – Ведь для меня даже истлевшая веточка, пропитанный солнцем пень – бесценные вещи! У урючного дерева особые качества, твердость, окраска. Больше всего я люблю работать с этим материалом».

В описаниях метаморфоз деревьев в предметы сказывается фольклорно-мифологическая традиция, которая амбивалентно связывает тему смерти с темой второго рождения. Эстетика изготовленных вещей подчеркивает, что образ сада в рассказе, как и в чеховской пьесе, связан с темой красоты.

Символика урючного сада в рассказе актуализирована через разные мотивы: плоды, цвет, запах, звук, ветви и корни. В рассказе, как и в чеховской пьесе, образ сада метафорически одушевлен и наделен антропологической семантикой родства. Кыдырма знает, что «молодые ветки урюка, как малые дети, не могли долго терпеть жажды». Ему кажется, что «саженцы урюка, которые росли с правой стороны дома, кто-то остервенело пилит ножом», а «молодые побеги шурият и тихонько стонут от жажды». Кыдырма вспоминает слова отца, что «дерево знает руку своего хозяина и тоскует по нему, как человек». Для него «молодые побеги, словно дети, делающие первые шаги в своей жизни, дрожат от малейшего холода, зябнут и пугаются ничтожного ветерка».

Для автора важно подчеркнуть связь сада с памятью об отце. «В годы войны здесь все засохло, осталось только одно урючное дерево, посаженное еще его отцом. И вот семена этого деревца, чудом уцелевшего от засухи, превратили со временем весь Кенколтык в зеленый лес, укрывший аул от зноя и холода». Символика сада в пьесе Чехова тоже увязана с воспоминаниями Гаева и Раневской о детстве, юности, отце и матери.

Сопоставляя пространственные границы пьесы и рассказа, можно утверждать, что у Чехова сложнее организована соотнесенность дома и сада, тогда как в прозе Досжана топос сада явно доминирует. Сад у Чехова умирает раньше дома, в рассказе более комфортное жилье в поселке не оспаривается, но сад бесспорно важнее.

Для героя Досжана топос сада самодостаточен, и даже когда сад перестает существовать в реальности, он живет в его воображении: он его слышит, видит во сне, мечтает увидеть: «А может быть, его нарочно обманули, чтобы он не возвращался в аул, а жил тут, в центре совхоза? Но в конце концов, ведь можно съездить и узнать. О, если бы его встретил в Кенколтыке привычный шум деревьев! Он построил бы шалаши, и остался там навсегда, и не влачил бы такого жалкого существования, как теперь». На этом фоне яснее видно, что легкомысленное расставание и прощание с садом у персонажей чеховской пьесы завершается раньше, чем совершилась его продажа.

Сравнение двух историй о проданном саду позволяет признать, что жизнь сюжета продолжается в новых формах, не похожих на старые: наращение сюжета в рассказе снижает драматизм мотива вырубания-продажи-потери своего «сада», но не снимает его. Фраза вольтеровского Кандида: «Надо возделывать свой сад» – актуальна в прямом и переносном смыслах для двух произведений.

